

ЗНАМЯ ЮНОСТИ

Г. Минск

28 МАР 1985

Юбилей

«СДЕЛАТЬ МИР
ЛУЧШЕ...»

Иннокентию Смоктуновскому — 60

Первое впечатление от встречи со Смоктуновским: в жизни он совсем другой, чем на сцене. И сразу же ловишь себя на мысли — ведь он и в театре, в кино всегда разный, всегда — другой. Актер с тысячей лиц.

Сейчас передо мной — 1001-е: без грима, совсем не актерское, немного усталое, с умными, добрыми глазами.

И еще одна деталь. На сцене это не всегда замечаешь, а сейчас, когда Иннокентий Михайлович возник в дверях служебного подъезда МХАТа, взгляд отмечает, как он высок — рост под два метра.

В понедельник театр закрыт для зрителей, и в его стенах царит непривычная, гулкая тишина. Однако выходных дней у Смоктуновского, похоже, не бывает.

— Прямо с «Мосфильма», чуть подустал, — говорит Иннокентий Михайлович, устраиваясь в кресле так, как это делают спортсмены в короткие паузы между стартами: полная расслабленность. Однажды Смоктуновского спросили: «Отчего это вы на съемке такой энергичный и собранный, а в жизни часто вялый, замедленный?» «У меня в жизни, — сказал он, — не так много сил, и я берегу их для творчества».

Творчеству без остатка посвящена жизнь народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии И. Смоктуновского, встречающего 60-летний рубеж в привычном рабочем ритме.

Мы беседуем в артистическом фойе. Первый вопрос — о новых ролях, в которых нам предстоит увидеть Смоктуновского.

— Совсем скоро на телеэкране выйдет фильм Л. Пчелкина «Дети солнца» по горьковской пьесе, я играю Протасова, — говорит артист. — Режиссер А. Орлов предложил мне центральную роль в картине «Странная история доктора Джекила». Хотя, на мой взгляд, она не такая уж странная. Идея фильма — стара, как мир, но при этом остро актуальна. Мы хотим показать с экрана, как прекрасен человек — венец природы — и как он может быть гадоком, мелочен, даже отвратителен, если позволит предать самое заветное — себя самого. Такая метаморфоза происходит с моим героем доктором Джекилом, который живет в современной Англии. Несмотря на временную и социальную дистанцию, в чем-то близок ему и другой мой персонаж — византийский император Юстиниан: к духовному саморазрушению его привела неограниченная власть. Этого исторического героя мне предстоит сыграть в фильме режиссера Г. Васильева, приступившего к экранизации романа В. Иванова «Русь изначальная». На радио записал произведения двух самых любимых моих авторов — сцены из пушкинского «Бориса Годунова» и «Бедные люди» Достоевского. Ну а в театре, как всегда с радостью, ожидаю встречи с Островским. В начале следующего сезона начнутся репетиции спектакля «Лес», в котором постановщик О. Ефремов поручает мне роль Несчастливцева. Ах, как близок мне этот образ, как часто я узнаю в нем себя...

Актерская биография Смоктуновского начиналась в студии при Красноярском театре. Утром — занятия, вечером — первые крошечные роли на сцене. Потом четыре года напряженной работы в норильском театре. Затем русский театр в Махачкале, драматический в Волгограде, попытки пробиться на столичную сцену. Они так и остались попытками. Сейчас в это трудно поверить: его не приняли ни в один из московских театров. По причине... несценичности. А когда по

настоящему И. Пыррева Смоктуновского все же зачислили в театр-студию киноактера, к этой характеристике прибавилась еще одна — нефотогеничен...

Что это было — равнодушие к таланту? Всеобщая слепота? Ни то, ни другое. Просто Смоктуновский был настолько необычен, настолько не укладывался в традиционные критерии, что это отпугивало режиссеров. Смоктуновского надо было открыть, как открывают клад. Так в конце концов и произошло.

— Юбилей предполагает некоторое подведение итогов. Недавно посчитал, сколько ролей довелось сыграть за 40 лет работы, — оказалось, около 200. Гигантская цифра! — улыбается Смоктуновский.

От себя добавим, что многие из этих ролей стали событием не только в биографии актера, но и в истории советского искусства. В кино это шекспировский Гамлет и физик Куликов в картине «Девять дней одного года», Деточкин в «Берегись автомобиля!» и Циолковский в «Укрощении огня», Чайковский в одноименном фильме, Моцарт, а потом Сальери в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Театру же талант Смоктуновского подарил незабываемого князя Мышкина в «Идиоте» и Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании», царя Федора в трагедии А. К. Толстого, чеховских Иванова и Дорна, Иудушку Головлева Салтыкова-Щедрина...

— Быть живым на сцене можно, только будучи живым в жизни, живущим жизнью своих современников, — убежден Смоктуновский. — Актер только тогда волнует зрителя, когда сам страдает, радуется, а не играет. Ведь искусство, как прекрасно сказал Пастернак, «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез».

Время, в которое мы живем, невероятно сложное. Советовать на это — занятие неблагодарное. Мы должны влиять на него, изменять мир к лучшему, каждый по мере сил.

Любимой ролью актера до сих пор остается Мышкин, которого он сыграл «положительно прекрасным человеком», живущим по законам высшей нравственности. В этом образе обозначились истоки той философии добра, которую несут в себе все герои Смоктуновского.

Чувство долга, любовь к людям и родной земле двигали Смоктуновским, когда он семнадцатилетним подростком ушел на фронт. Воевал на Курской дуге, участвовал в форсировании Днепра, в боях за освобождение Киева. Оказался в плену, бежал, сражался в партизанском отряде. Дошел до Берлина. На трудных фронтовых дорогах выковывалась его человеческая, гражданская позиция.

— Ответственность перед Родиной, народом дает мне силы и вдохновение, заставляет работать лучше, талантливее, — говорит артист. — То, что я добился общественного признания, — моя гордость, которую незачем скрывать. Я глубоко ценю и уважаю своего зрителя, который, приходя на фильм или на спектакль, щедро дарит мне 2—3 часа собственной жизни. Я не вправе обмануть его ожиданий.

О. СВИСТУНОВА.